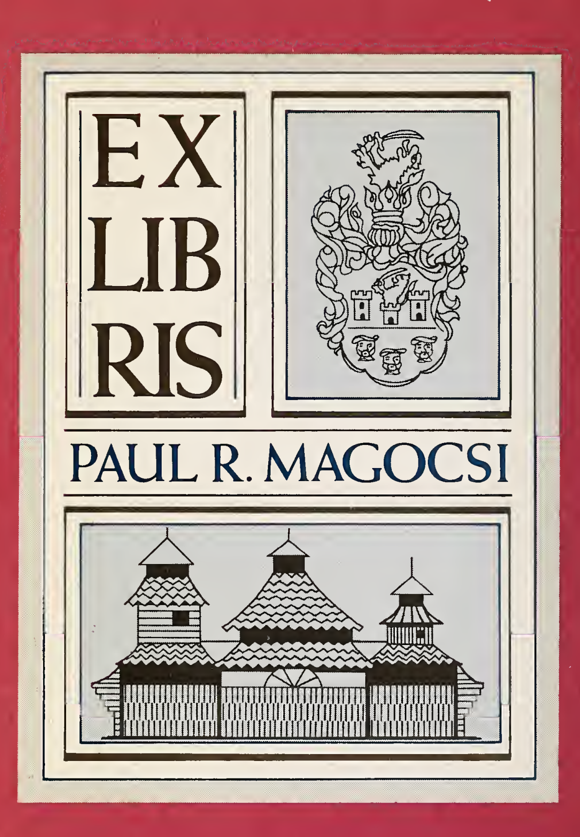
А. Л. ПЕТРОВЪ

Изъ Будапеша - Изъ Кошицъ

EX
LIB
RIS
PAUL R. MAGOCSI

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I

ЯНВАРЬ—АПРѢЛЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

мецкаго преподаванія, которое служитъ для многихъ даже препятствіемъ въ занятіяхъ науками.

Что касается наконецъ дерптскаго университета, то и онъ мало по малу переходитъ на русское положеніе: уже теперь болѣе 20 преподавателей читаютъ тамъ лекціи порусски; ихъ только оклады и пенсіи уравнены съ русскими, тогда какъ читающіе понѣмецки получаютъ жалованье по штату 1865 г. (проф. орд. 2400 р., экстр. 1700 р.). Замѣщеніе новыхъ каѳедръ обусловливается обязательствомъ читать по-русски. Наложена рука на своеобразные порядки дерптскаго студенчества, въ родѣ akademische Musse, корпорацій, поединковъ, и т. д.; уничтожена спеціализація курсовъ и испытаній; вводятся государственные экзамены, словомъ, университетъ постепенно принимаетъ общерусскій типъ и характеръ. Съ полной руссификаціей этого заведенія падетъ послѣдній оплотъ германизма, столь вредно дѣйствовавшій на образъ мыслей не только латышей, эстовъ, но и многочисленныхъ дерптскихъ студентовъ польскаго и русскаго происхожденія.

С. Т.

Рига, апрѣль 1892 г.

Изъ Будапешта.

Нынѣшнее положеніе мадьяръ въ Угріи. Причины ихъ силы и слабости. Вѣроятный исходъ борьбы мадьяръ съ прочими народами Угріи.

У насъ скоро предстоитъ празднованіе 25-лѣтія со дня коронованія императора Франца-Іосифа въ короли Транслейтаніи или Угріи. Не неумѣстно будетъ бросить по этому поводу взглядъ на нынѣшнее положеніе господствующей угорской народности, мадьяръ, чтобы уяснить себѣ причины ихъ силы и опредѣлить степень опасности мадьяризма для прочихъ народностей королевства, особенно же славянскихъ.

Мадьяры занимаютъ теперь безспорно господствующее положеніе не только въ Угріи, но и въ цѣлой имперіи. При всемъ томъ нѣтъ, по нашему мнѣнію, въ Европѣ ни одного національно-пробужденнаго народа, котораго будущность, даже существованіе, было бы столь мало обезпечено, какъ мадьярскій. Это ясно сознаютъ не только наши угрославянскіе политики, но и болѣе дальновидные изъ мадьяръ, особенно въ провинціальныхъ городахъ, вдали отъ Пешта, въ средѣ образованныхъ помѣщиковъ и независимой отъ правительства интеллигенціи.

Конечно, такихъ людей немного. Большинство мадьярской, мадьяронской и особенно угро-еврейской интеллигенціи предается

самому безшабашному шовинизму, клянется «мадьярскимъ глобусомъ», мечтаетъ объ уничтоженіи славянства и Россіи; но все это похоже на «пиръ Сарданапала» или неистовый бредъ человѣка душевно-больного. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ мадьярскомъ простонародьѣ вовсе не видно того самодовольства, національной гордости и презрѣнія къ другимъ, какимъ напримѣръ глубоко проникнутъ простолюдинъ нѣмецкій. Не особенно воодушевляется мадьярское простонародье и политическою независимостью Угріи, которая вслѣдствіе того не имѣетъ подъ собою прочнаго національнаго фундамента.

При такомъ легкомысліи сверху и равнодушіи снизу, мадьярское государство не можетъ не представляться зданіемъ на пескѣ, которое рухнетъ при первомъ серьезномъ испытаніи.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое мадьяры? Небольшой пришлый народецъ (до 5 мил. душъ), не имѣющій въ Европѣ близкихъ и сильныхъ родичей, довольно лѣнивый и легкомысленный, смѣшанный съ другими, чуждыми ему народами, несравненно болѣе плодовитыми, работящими и вдобавокъ опирающимися на заграничныхъ соплеменниковъ. Большой, самостоятельной образованности, которая могла бы подчинить ему сосѣдей, онъ выработать не могъ. Какая же будущность можетъ предстоять подобному народцу, какой исходъ борьбы за жизнь съ такими могущественными сосѣдями, какъ нѣмцы и славяне? Конечно, медленное сліяніе съ ними, задерживаемое развѣ взаимнымъ антагонизмомъ расъ германской и славянской. Чтобы предупредить этимъ печальный для мадьяризма исходъ многовѣковой борьбы за долину средняго Дуная, еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія признано было необходимымъ подкрѣпить его поглощеніемъ всѣхъ прочихъ народностей Угріи.

Разочарованія 1848—49 гг. не остановили мадьярскихъ шовинистовъ на этомъ рисковномъ пути. Со времени введенія дуализма, 25 лѣтъ тому назадъ, они съ удвоеннымъ рвеніемъ стали мадьяризовать Угрію, въ надеждѣ сдѣлать ее прочнымъ и однороднымъ національно-политическимъ организмомъ.

И дѣло какъ будто пошло на ладъ, благодаря поддержкѣ австрійскаго правительства и Германіи, а также слабости отпора со стороны славянъ. Большинство мадьярскихъ и мадьяронскихъ шовинистовъ даже не сознавало, какое чувство пробуждаютъ ихъ насилія у подчиненныхъ народностей. Гордое самообольщеніе и презрѣніе къ немадьярамъ заставляли ихъ приписывать всѣ протесты если не «московскимъ рублямъ», то непроходимой глупости порабощаемыхъ народностей; принадлежность къ мадьяризму пред-

ставлялась этимъ шовинистамъ такимъ благомъ, которое можно и насильно навязывать.

Другіе же, болѣе благоразумные мадьяры оправдывали себя и свою политику государственной необходимостью, или —точнѣе— безнадежностью своего народнаго положенія.

Немалую пищу мадьярской народной исключительности доставило и жестокое подавленіе Австріею бунта 1848—49 гг., въ соединеніи съ послѣдовавшимъ затѣмъ 16-лѣтнимъ преобладаніемъ нѣмцевъ, при поддержкѣ Россіи, отчасти и австрійскихъ славянъ.

Когда въ 1867 г. послѣ неудачной войны съ Пруссіей австрійское правительство вынуждено было опереться на мадьяръ и призвало ихъ къ власти, они могли дать волю своимъ чувствамъ, естественно перешедшимъ въ крайность. Ловкіе политики, они не пробовали сразу перевернуть установившіеся порядки, но по мѣрѣ упроченія своего положенія шли все далѣе и далѣе, такъ что и законъ 1868 года, обезпечивающій свободу народностей, превратился наконецъ въ мертвую букву.

По закону этому мадьярскій языкъ объявленъ, правда, государственнымъ въ Угріи, но вовсе не исключающимъ употребленія прочихъ мѣстныхъ языковъ въ собраніяхъ комитатовъ, въ сношеніяхъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ и лицъ съ немадьярскими лицами и учрежденіями, въ дѣловодствѣ церковныхъ общинъ, сельскихъ управленій, а наконецъ и въ правительственныхъ школахъ, не исключая университетовъ.

Въ настоящее время законъ этотъ вовсе не исполняется въ Угріи, такъ что мадьярскій языкъ совершенно почти вытѣснилъ всѣ прочіе языки страны, кромѣ хорватскаго въ такъ наз. Тріединой кралевинѣ.

Но въ этомъ забвеніи основныхъ положеній закона о народностяхъ слѣдуетъ винить не одниxъ мадьяръ. Еще болѣе въ этомъ виноваты т. наз. мадьяроны, т.-е. ренегаты изъ другихъ народностей, главнымъ образомъ изъ славянъ и особенно изъ словаковъ. Многіе изъ такихъ мадьяроновъ не вполнѣ владѣютъ даже мадьярскимъ языкомъ. Чтобы засвидѣтельствовать свою принадлежность къ господствующей народности, они прямо издѣваются надъ прежними соплеменниками. Другимъ важнымъ факторомъ ультрамадьяризма, въ его борьбѣ со славянами, являются евреи, которые играютъ теперь въ Угріи столь-же важную роль, какъ и въ Галичинѣ. Главная ихъ сила—въ экономической области; но и въ политическихъ отношеніяхъ Угріи они нерѣдко имѣютъ рѣшающій голосъ, особенно при выборахъ въ сеймъ. Въ чисто мадьярскихъ округахъ евреи являются незамѣнимыми агитаторами для правительственной партіи, деморализуя народъ водкой и взятками.

Въ округахъ же, населенныхъ немадьярами, помимо этого они пользуются и другими средствами, обвиняя напр. противниковъ въ панславизмѣ, русскихъ рубляхъ и т. п. Будучи заклятыми врагами Россіи, а изъза нея и славянства, евреи пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ разжигать и въ мадьярахъ ненависть къ москалямъ. Владѣя почти всею прессой, они могутъ свободно вліять на общественное мнѣніе Угріи, нимало не стѣсняясь при этомъ въ выборѣ средствъ къ утвержденію въ ней руссофобіи.

Подъ вліяніемъ такой прессы, Россія становится пугаломъ для мадьяръ, которые вслѣдствіе того готовы на всякое насиліе, чтобы задавить людей, сочувствующихъ ей или входящихъ въ какое бы то ни было сношеніе съ русскими. Даже славяне начинаютъ наконецъ вѣрить ежедневно повторяемымъ выдумкамъ о русскомъ варварствѣ и тѣмъ легче поддаются мадьяризаціи.

Но не въ малой мѣрѣ успѣхи мадьяризма обусловлены нравственной слабостью угорскихъ славянъ, которые во многомъ уступаютъ даже мадьярамъ.

Каковъ бы ни былъ первоначальный характеръ мадьярскаго народа, занимающаго въ этнологическомъ отношеніи середину между финнами и турками, въ настоящее время, вслѣдствіе тысячелѣтняго сожительства со славянами, мадьяры усвоили отъ нихъ много сочувственныхъ чертъ. Отсюда явное предпочтеніе, какое славянинъ оказываетъ вообще мадьяру передъ нѣмцемъ; этимъ объясняются отчасти и успѣхи Кошута въ 1848 г., до вмѣшательства русскихъ войскъ. По этой же причинѣ превращеніе славянина въ мадьяра совершается легче и быстрѣе, чѣмъ въ нѣмца или другого настоящаго европейца. Вотъ почему кромѣ мадьяроновъ изъ выгоды, изъ разсчетовъ, есть между славянами и совершенно искренно преданные мадьярамъ люди, какъ бы инстинктивно сознающіе, что все-таки мадьяры наши историческіе союзники въ борьбѣ съ нѣмцами.

Наконецъ, на многихъ мадьярство оказываетъ вліяніе и потому, что на его сторонѣ высшая аристократія, администрація, дворъ, слѣдовательно обаяніе силы и власти.

Спрашивается, возможна ли и вѣроятна ли при такихъ условіяхъ мадьяризація всѣхъ народностей Угріи?

Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно труденъ. Мадьярскіе и мадьяронскіе шовинисты не сомнѣваются конечно, по крайности на словахъ, что черезъ 20 — 30 лѣтъ, когда выроститъ новое поколѣніе, послѣдуетъ полное сліяніе всѣхъ народностей Угріи въ общемъ мадьяризмѣ, такъ что тогда исчезнутъ-де въ Угріи и панславизмъ, и пангерманизмъ и даже романизмъ, которые могутъ уцѣлѣть развѣ за предѣлами Транслейтаніи. При

этомъ не придается значенія возможности сохраненія въ ней подчиненныхъ языковъ въ низшихъ слояхъ народа.

Но многіе серьезные мадьяры сомнѣваются въ такой быстротѣ ассимиляціи хотя бы верхнихъ лишь классовъ угорскаго населенія, въ виду того упорства, съ какимъ отстаиваютъ свою національность напр. угорскіе румыны, сербы, саксы, даже словаки. Дѣйствительно, нѣтъ никакого основанія предполагать, что это измѣнится въ будущемъ. Поглощеніе одной народности другою можетъ совершиться съ нѣкоторою вѣроятностію лишь тамъ, гдѣ есть безспорный численный или культурный перевѣсъ, чего нельзя сказать о мадьярахъ въ Угріи.

Особенно трудно это въ настоящее время, вѣкъ пробужденія народностей, тѣмъ болѣе что Угрія не расположена гдѣ нибудь на островѣ или въ пустынѣ, а окружена отовсюду оживающими вѣтвями германскаго, романскаго и славянскаго племенъ. Каждый успѣхъ запредѣльныхъ братьевъ, напр. славянъ запада или Россіи, самое существованіе послѣдней—все это поддерживаетъ немадьярскія народности Угріи. Матеріальный и нравственный гнетъ можетъ уничтожить силу сопротивленія болѣе слабыхъ населеній, но въ другихъ онъ вызоветъ протестъ и сильнѣйшую реакцію народнаго духа и стремленій. Когда обстоятельства измѣнятся, за этотъ гнетъ поплатятся сами мадьяры, причемъ можно навѣрное предсказать, что при переходѣ власти въ другія руки теперешніе союзники мадьяръ, мадьяроны и евреи, оставятъ ихъ на произволъ судьбы.

А трудно представить, чтобы нынѣшнее положеніе Угріи продолжалось вѣчно. Легко могутъ наступить обстоятельства, при которыхъ мадьяры должны будутъ отстаивать свое господство въ Угріи, передъ австрійцами напр., въ случаѣ усиленія имперіи Габсбурговъ, или передъ пруссаками, при дальнѣйшемъ расширеніи имперіи Гогенцоллерновъ, либо наконецъ передъ славянами, въ случаѣ торжества Россіи и ея союзниковъ на славянскомъ западѣ и югѣ.

Конечно, при насильственномъ преобразованіи Угріи въ пользу нѣмцевъ или славянъ слѣдовало бы ожидать энергическаго отпора со стороны мадьяръ; но мы не думаемъ, чтобы этотъ отпоръ былъ настолько силенъ, какъ напр. въ 1848—49 году, и чтобы онъ могъ поднять массу народа. Тогда была борьба за свободу, теперь за господство; тогда простой народъ шелъ за своимъ дворянствомъ, теперь его вліяніе пало; тогда мадьяры боролись за свое самоуправленіе противъ нѣмецкаго деспотизма, теперь простой народъ разочаровался въ конституціи, разорившей его въ пользу чиновниковъ и евреевъ, и не чувствуетъ довѣрія къ своимъ политическимъ

И

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

МАЙ—ІЮНЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

вождямъ. Если это такъ, то какое противодѣйствіе можетъ выставить мадьяризмъ Австріи, Германіи, славянству, при отмѣнѣ его нынѣшней гегемоніи?

Итакъ, по нашему мнѣнію, неизбѣжной и серьезной опасности мадьяризмъ не представляетъ. Это явленіе временное, преходящее: оно можетъ повлечь за собой частныя, правда иногда тяжелыя потери, но не можетъ сгубить славянскаго дѣла въ Угріи. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мадьяры и теперь полезны славянамъ: они образуютъ плотину противъ натиска въ Угрію германизма, ослабляютъ напоръ іезуитскаго латинства, пробуждаютъ въ славянахъ сознаніе слабости отдѣльныхъ вѣтвей и необходимости собиранія силъ подъ однимъ общимъ знаменемъ, наконецъ, служатъ наглядным доказательствомъ непригодности для славянъ западныхъ политическихъ учрежденій псевдо-конституціоннаго типа.

Но всѣ эти соображенія о характерѣ, значеніи и будущности мадьяризма въ Угріи не должны располагать насъ къ бездѣйствію. Въ настоящее время онъ представляетъ для угорскихъ славянъ тяжелое испытаніе, которое можетъ совершенно истощить ихъ силы при долгомъ сохраненіи нынѣшняго положенія, такъ что они не въ состояніи будутъ устоять противъ нѣмцевъ, когда они явятся въ Угріи на смѣну мадьяръ. Во всякомъ же случаѣ мадьяризмъ, питающій ренегатство, является однимъ изъ самыхъ опасныхъ источниковъ деморализаціи угорскихъ народовъ, которая можетъ отравить все ихъ будущее. К. М.

Будапештъ, апрѣль 1892.

Изъ Цетинья (въ Черногоріи).

Природа Черногоріи. Столкновенія съ албанцами. Женскій институтъ. Опроверженіе «Гласа Черногорца». Полемика между газетами сербскими и хорватскими.

Хотя еще мартъ на дворѣ, но дни у насъ уже теплые, какъ въ маѣ. Только вершины Ловчена, Кома и другихъ высокихъ горъ покрыты еще снѣгомъ. Равнины, даже расположенныя повыше, какъ Цетиньская, Нѣгушская, Никшицкая, Граховская—уже зеленѣютъ травой. Низменныя же равнины, напр. Цермничкая, Зетская, не только покрыты травою, но даже озимые посѣвы уже выросли на полъаршина и даютъ надежду на хорошій урожай. Въ Цермничкой, Рѣчкой, Лѣшанской, Зетской и Приморской нахіи полевыя работы уже въ полномъ разгарѣ. Обрѣзываютъ виноградники, пашутъ землю, сѣютъ яровые хлѣба. Цѣны на хлѣбъ стоятъ очень высокія.

отступаетъ отъ старопольскихъ идеаловъ, въ пользу новыхъ началъ. Половина членовъ краковскаго студенческаго общества «Czytelnia akademicka» подняла надъ собою знамя, идущее въ разрѣзъ съ католицизмомъ и шляхетствомъ. Она одушевляется естественнымъ міросозерцаніемъ, съ пренебреженіемъ богословскихъ и метафизическихъ пріемовъ, принципомъ справедливости для единицъ, массъ и народовъ, эманципаціею четвертаго сословія (котораго въ Галичинѣ нѣтъ) и женщинъ. Такими же приблизительно стремленіями проникнуты вѣнское студенческое общество «Ognisko» и студенческіе кружки польской молодежи въ Швейцаріи. По вопросу о политической и общественной эманципаціи женщинъ состоялось недавно (10 наст. апрѣля) во Львовѣ вѣче, въ которомъ участвовали женщины различныхъ народностей.

Руководящіе польскіе кружки опасаются, чтобы соціализмъ не охватилъ сельскихъ учителей, отъ которыхъ очень легко онъ могъ бы проникнуть въ народныя массы. Это опасеніе не лишено основаній, ибо такіе учителя, получая не болѣе 300 гульд. жалованья и не будучи въ состояніи пропитать семью при огромной дороговизнѣ въ Галичинѣ, составляютъ своего рода образованный пролетаріатъ, враждебно относящійся къ нынѣшнему общественному строю. Былъ проектъ, чтобы народные учителя наряжались въ крестьянское платье и вели крестьянскій образъ жизни; но учителя, усвоившіе себѣ полушляхетское образованіе и связанные съ нимъ предразсудки, съ негодованіемъ это отклонили. Кончилось тѣмъ, что сеймъ повысилъ имъ немножко жалованіе, опредѣливъ на этотъ предметъ для всей Галичины 200,000 гульд.

Удивительно ли, если при такихъ условіяхъ польская литература не можетъ процвѣтать въ Галичинѣ, если польскія книги не находятъ здѣсь покупателей, а польскія газеты держатся единственно при помощи различныхъ субвенцій! Только наука находитъ еще теперь хорошихъ, хотя не всегда безпристрастныхъ дѣятелей среди профессоровъ обоихъ университетовъ, а отчасти преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній Галичины.

5—17 мая 1892. Червонорусъ

Изъ Кошицъ (Угрія)

Угрорусское простонародье. Его экономическое положеніе. Народныя школы. Церковь. Національное сознаніе. Угрорусская интеллигенція. Ея постепенное омадьяренье. Высшее и низшее духовенство. Трудность нынѣшняго положенія угрорусовъ.

Нѣтъ въ Угріи народа, который находился бы теперь въ столь угнетенномъ положеніи, какъ полумилліонный народецъ угрорусскій.

Его существованію грозитъ серьезная опасность, притомъ не образованному лишь классу, но и значительной части простонародья. Это тѣмъ грустнѣе, что угрорусская интеллигенція до недавняго времени отличалась истинно-народнымъ духомъ, была свободна отъ увлеченій западомъ и чувствовала свою принадлежность къ великому славянскому міру, вовсе не раздѣляя украйнофильскихъ предубѣжденій противъ Россіи. И простонародье вѣрно хранило въ своихъ горныхъ убѣжищахъ вѣру отцовъ, русское имя и сознаніе племенного единства. Теперь многое уже измѣнилось, но не къ лучшему, и печальная будущность все яснѣе обрисовывается теперь передъ нами, если не послѣдуетъ неожиданнаго переворота.

Русское населеніе Угріи состоитъ собственно изъ двухъ сословій крестьянства и духовенства. Немногочисленное и прежде русское дворянство либо давно уже омадьярилось, либо должно поневолѣ скрывать свое русское происхожденіе, если желаетъ получить какую либо должность правительственную или по выборамъ. Промышленнаго и торговаго русскаго сословія здѣсь не могло развиться, ибо все захвачено въ руки евреями. Угрорусскіе чиновники, учителя и т. п., вполнѣ завися отъ мадьяръ, обыкновенно боятся и заикнуться по-русски, почему и дѣтей своихъ съ малолѣтства обучаютъ мадьярскому языку. Да и такихъ, выхолощенныхъ уже въ національномъ смыслѣ русскихъ чиновниковъ все-таки не назначаютъ на мѣста въ русскихъ мѣстностяхъ, а гдѣ нибудь подальше, среди словаковъ или мадьяръ.

Остаются слѣдовательно русскими и въ Угріи—какъ встарь во всей западной Руси—лишь «хлопъ да попъ».

Экономическое положеніе русскаго крестьянства въ Угріи вообще довольно печально. Большинство его живетъ въ горныхъ трущобахъ и долинахъ, въ суровомъ климатѣ, съ тощей почвой. Только выходящія на угорскую низменность русскія поселенія находятся въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ.

Но кромѣ скудной природы есть много и другихъ причинъ бѣдности угрорусскаго населенія.

Освобожденіе крестьянъ въ 1848 году и несправедливо произведенная «коммассація» (размежеваніе) крестьянскихъ угодій въ послѣднія десятилѣтія оставили за крестьянами только небольшую часть той земли, которою они владѣли при крѣпостномъ правѣ. Лучшія земли, особенно же горные лѣса и полонины, необходимыя для пастбищъ, остались или за казною или въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, налагающихъ на крестьянъ произвольную плату за пользованіе ими, да еще вдобавокъ при посредствѣ евреевъ-арендаторовъ.

Общая экономическая политика Угріи направлена не на поддержаніе простого народа, а на образованіе крупныхъ капиталовъ, на развитіе промышленности и торговли, съ которыхъ государство имѣетъ больше дохода. Великомадьярская идея, двѣ арміи, дорого стоящая система представительства, стремленіе играть роль въ общеевропейской политикѣ, виды на Балканскій полуостровъ, наконецъ тщеславное желаніе похвастаться предъ Европой роскошно обстроенными Пештомъ, Сегединомъ, Дебрециномъ, — все это требуетъ большихъ денегъ, добываемыхъ высокими прямыми и косвенными налогами, введеніемъ государственной монополіи на табакъ, на соль и т. п. Свѣдующіе люди утверждаютъ, что и при распредѣленіи податей мадьяры нерѣдко руководятся національнымъ шовинизмомъ: на «дольней землѣ», въ мѣстностяхъ съ богатѣйшей почвой, заселенныхъ кровными мадьярами, подати пропорціонально доходности земли—значительно меньше взимаемыхъ на русской «верховинѣ».

Особенно же тяжело приходится русскимъ отъ евреевъ, въ громадномъ числѣ населяющихъ не только города, но и русскія села, гдѣ они захватили уже значительную часть крестьянскихъ усадебъ и участковъ. При продажности и развращенности мадьярской администраціи, евреямъ очень легко обирать крестьянъ.

Если прибавить еще невѣжество угрорусскаго крестьянства, скудость хорошихъ школъ, которыя бы давали реальныя знанія, а не одинъ навязанный мадьярскій языкъ, отсутствіе читаленъ, которыя считаются опасными притонами панславизма, наконецъ неразлучное съ бѣдностью пьянство (общество трезвости—тоже панславизмъ и москалефильство), то легко понять быстрый упадокъ этого забытаго и забитаго населенія. Вотъ почему выселеніе угрорусскихъ крестьянъ въ Америку идетъ все сильнѣе, несмотря на противодѣйствіе правительства. Зарабатывая тамъ много денегъ, русскіе высылаютъ ихъ на родину, возвращаются и сами домой, но рѣдко кто выкупаетъ заложенную у евреевъ землю и остается здѣсь хозяйничать. Къ тому же, привыкнувъ къ иной жизни, къ иному труду, они уже неохотно принимаются за крестьянскія работы, неохотно подчиняются мадьярскому игу. Черезъ нѣсколько времени они опять уѣзжаютъ въ Америку, а наконецъ выписываютъ туда и свои семьи. Теперь въ Америкѣ до 9 угрорусскихъ приходовъ, со священниками изъ Пряшевской и Мукачевской епархіи, и до 100,000 угрорусскаго населенія. Изъ этихъ путешествій угрорусы выносятъ и распространяютъ между своими земляками убѣжденіе, что мадьярскій языкъ никуда ненуженъ, что съ нимъ дальше Угріи не уйдешь.

Въ національномъ отношеніи угрорусскій народъ мало пробуж-

денъ. Онъ инстинктивно привязанъ къ своему языку, но если представится случай, охотно и легко учится мадьярскому и любому другому языку и не думаетъ о какой либо своей особности. Главное, что поддерживаетъ его духовную самобытность—это его «русская» вѣра. Мадьяръ—это кальвинъ, онъ же руснякъ. Замѣчательно, что не только русскій крестьянинъ, но и словакъ, даже мадьяръ называетъ свою вѣру, церковь, священника и себя русннкомъ, orosz, если онъ уніатъ. И эти русскіе словаки, русскіе мадьяры крѣпко привязаны къ своему обряду, къ своему церковно-славянскому, или—какъ они думаютъ—«русскому» языку. Правда въ нѣкоторыхъ чисто мадьярскихъ уніатскихъ приходахъ болѣе ревностные священники - мадьяры ввели вполнѣ или отчасти богослуженіе мадьярское. Однако несмотря на все содѣйствіе правительства дѣло не обошлось тутъ безъ неудовольствія со стороны прихожанъ-мадьяръ. Еще и теперь во многихъ мадьярскихъ приходахъ богослуженіе совершается по-русски. Введенію мадьярскаго языка въ богослуженіе по легко понятнымъ причинамъ противится и папа. При такихъ условіяхъ правительство не можетъ рѣшиться на введеніе мадьярскаго языка въ богослуженіе въ чисто русскихъ приходахъ. А пока держится «русскій» или вѣрнѣе церковно-славянскій языкъ въ церкви, онъ не можетъ быть изгнанъ изъ приходской школы, слѣдов. останется и впредь для угрорусскаго народа связующимъ звеномъ съ его прошлымъ и съ остальными частями русскаго племени.

Нельзя сказать, чтобы у мадьяръ не было желанія и попытокъ мадьяризовать простой угрорусскій народъ. Предположено было основать цѣлый рядъ государственныхъ народныхъ школъ, съ мадьярскимъ преподавательнымъ языкомъ и замѣнить ими существующія до сихъ поръ школы приходскія. Недостатокъ средствъ помѣшалъ выполненію этого плана. До сихъ поръ основано не болѣе сотни правительственныхъ школъ въ болѣе богатыхъ русскихъ селахъ, да и то нѣкоторыя изъ нихъ по недостатку средствъ опять переданы приходу, ибо приходскія школы, въ которыхъ обучаютъ мѣстные дьячки (пѣвцо-учители), обходятся значительно дешевле. Теперь правительство заводитъ т. наз. ясли или сельскіе пріюты, куда будутъ брать дѣтей отъ 3—6 лѣтъ на время дневныхъ работъ. Дѣти находятся въ ясляхъ подъ присмотромъ надзирательницы-мадьярки, играютъ, понемногу учатся и все конечно должно итти тутъ по-мадьярски. Содержаніе ихъ возлагается на села, которыя однако крайне враждебно относятся къ этимъ новымъ очагамъ мадьяризаціи.

Такимъ образомъ, дѣти русскихъ крестьянъ до сихъ поръ получаютъ (или вѣрнѣе должны получать) образованіе главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ все пре-

подаванiе велось въ нихъ по-русски, но съ каждымъ годомъ обращалось все большее вниманiе на изученiе мадьярскаго языка, на которомъ стали наконецъ преподавать часть предметовъ. Окружные инспекторы, назначаемые правительствомъ, заботятся только о мадьярскомъ языкѣ; на остальные предметы они не обращаютъ никакого вниманiя. Выборный отъ духовенства—обыкновенно кто нибудь изъ канониковъ—долженъ слѣдить за преподаванiемъ русскихъ предметовъ и особенно закона Божiя. Но по влiянiю мадьяръ на эти посты избираются такiе каноники, которые тоже гораздо болѣе озабочены успѣхами мадьярщины.

До сихъ поръ однако результаты ничтожны. Дѣти учатся по-мадьярски лишь на показъ и вовсе не успѣваютъ прочно усвоить себѣ этотъ трудный финскiй языкъ. Дальнiя разстоянiя, суровыя зимы, бѣдность населенiя, нуждающагося въ работѣ дѣтей, наконецъ отсутствiе сознанiя пользы школъ—все это мѣшаетъ правильному посѣщенiю ихъ, несмотря на налагаемые за то штрафы, которыхъ нѣтъ возможности взыскивать, по бѣдности крестьянъ. Такимъ образомъ школа не можетъ имѣть глубокаго влiянiя на народъ, тѣмъ болѣе что и устроены приходскiя школы довольно плохо. Пѣвцо-учители подготовляются въ особыхъ учительскихъ семинарiяхъ (препарандiяхъ), гдѣ все сосредоточено на изученiи мадьярщины. За очень скудное вознагражденiе долженъ такой пѣвцо-учитель и дѣтей учить, и въ церкви пѣть, и требы отправлять, да къ тому же обработывать свою землю. Все его отвлекаетъ отъ школы и онъ очевидно не можетъ вести преподаванiе какъ слѣдуетъ. Довольно апатично относятся и угрорусскiе священники къ дѣлу народнаго образованiя. Въ большинствѣ случаевъ они мало обращаютъ вниманiя на ознакомленiе дѣтей въ народныхъ школахъ съ церковнымъ языкомъ, съ церковнымъ пѣнiемъ и даже съ закономъ Божiимъ, предоставляя все это мало свѣдущимъ дьячкамъ. Между тѣмъ народъ чрезвычайно любитъ церковную азбуку, церковную службу, пѣнiе, молитвы и сравнительно охотно слушаетъ и читаетъ книги духовнаго содержанiя. Понятно, что въ такой школѣ ничему не научатъ толкомъ, тѣмъ менѣе—мадьярщинѣ. Окруженныя сплошнымъ русскимъ населенiемъ, дѣти скоро забываютъ скудный запасъ заученныхъ мадьярскихъ словъ и фразъ, тѣмъ болѣе что у нихъ вовсе нѣтъ охоты читать, да и книгъ нѣтъ. Мадьяры мало обращаютъ вниманiя на изданiе книгъ для простонародья.

Представители администрацiи и суда принуждены объясняться съ народомъ на его языкѣ, хотя вся переписка ведется по-мадьярски. Безграмотность многихъ и почти общее незнанiе мадьярщины облегчаютъ сельскимъ писарямъ и евреямъ эксплоатацiю угрорусскаго простонародья. Больше чѣмъ въ школахъ знакомится оно

съ мадьярскимъ языкомъ во время полевыхъ работъ на «дольней землѣ», особенно же во время военной службы въ мадьярскихъ полкахъ. Въ 3 — 4 года угрорусскій солдатъ овладѣваетъ мадьярскимъ языкомъ и воротясь домой не забываетъ его такъ скоро; разговорнымъ языкомъ его всетаки остается языкъ русскій.

Гораздо успѣшнѣе подвигается мадьяризація русскихъ городовъ и селеній, расположенныхъ въ угорской равнинѣ. Тамъ и почва богаче, и школы—именно государственныя—лучше, крестьяне развитѣе, охотнѣе посылаютъ своихъ дѣтей учиться, а что̀ всего важнѣе—есть прямое вліяніе мадьярскаго элемента изъ селъ вполнѣ мадьярскихъ или хоть наполовину омадьяренныхъ. Въ городахъ на народъ вліяетъ примѣръ интеллигенціи и евреевъ. Въ такихъ мѣстностяхъ усилія правительства не безплодны: граница мадьярско-русская—правда медленно, но постоянно—передвигается съ юга и запада на сѣверъ и востокъ, къ подножіямъ горъ. Но здѣсь она должна остановиться и много времени понадобится, чтобы мадьяризмъ проникъ въ глубь Бескидовъ, если это вообще возможно.

Какъ относится угро-русское простонародье къ мадьярамъ? Ненависти къ нимъ, какъ къ мадьярамъ, нѣтъ повидимому совсѣмъ. Зато есть ненависть къ панамъ, главнымъ образомъ къ чиновникамъ, а особенно къ евреямъ, вообще къ нынѣшнему порядку вещей. Въ то же время есть смутная надежда на избавленіе съ сѣвера, гдѣ живетъ-де русскій Царь, который усмирилъ уже разъ мадьярскаго короля, Кошута...

Ничего не зная объ угорскомъ королевствѣ и королѣ, угрорусскіе крестьяне вообще твердо преданы своему царю, котораго только все обманываютъ-де паны. О покойномъ же эрцгерцогѣ Рудольфѣ сложилась на угорской Руси легенда, что онъ живъ и скоро вернется, чтобы отомстить панамъ и особенно жидамъ.

Перейдемъ теперь къ угро-русской интеллигенціи, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ духовенства. На эту часть угро-русскаго народа направлены были главные удары мадьяръ и они достигли здѣсь значительныхъ успѣховъ, вѣроятно бо̀льшихъ, чѣмъ могли сами ожидать. Тактика мадьяръ заключалась въ слѣдующемъ. Прежде всего они дѣйствовали противъ духовенства и немногочисленныхъ, независимо поставленныхъ свѣтскихъ дѣятелей газетными доносами, обвиняя ихъ въ панславизмѣ, москалефильствѣ и др. «государственныхъ преступленіяхъ». По этимъ доносамъ производились слѣдствія, процессы—правда часто безрезультатные, но которые могли въ концѣ концовъ измучить людей нравственно. *

* Какъ примѣръ подобной тактики мы приведемъ здѣсь выдержку изъ

Затѣмъ представители администраціи, люди высшаго общества, мадьяры, мадьяроны, евреи при всякомъ удобномъ случаѣ проявляли свою ненависть и презрѣніе къ русскимъ людямъ, преслѣдуя ихъ сплетнями, грубыми намеками, бранью, скандалами въ присутственныхъ мѣстахъ, на улицахъ, въ вагонахъ, ресторанахъ. Дѣти русскихъ патріотовъ получали въ училищахъ худшіе баллы, лишались наградъ, стипендій, встрѣчали затрудненія при поступленіи на службу и т. п. Противъ болѣе твердыхъ людей употреблялись прямо насильственныя дѣйствія: вспомнимъ проектированнное нападеніе гонведовъ на Адольфа Ивановича Добрянскаго, вмѣсто котораго они по ошибкѣ изранили его сына, Мирослава Адольфовича!

Вся эта травля велась систематически изо дня въ день. Надо было имѣть очень твердыя убѣжденія и очень сильный характеръ, чтобы устоять. Многіе поддались гнету, или совсѣмъ перейдя къ мадьяронамъ, или замолкнувъ въ своихъ деревенскихъ приходахъ.

Одновременно шло гоненіе на все, приходившее изъ Россіи и даже изъ Галичины Конфисковались на почтѣ тайно и открыто русскія книги, газеты, письма. Всякое сношеніе съ Россіей, не говоря уже о полученіи оттуда денегъ (хотя бы въ видѣ подписки на какое нибудь угро-русское изданіе), знакомство, принятіе къ себѣ въ домъ русскаго—влекли за собою непріятности и преслѣдованіе.

Правительство съ своей стороны понемногу вытѣсняло русскій языкъ и русскихъ людей изъ администраціи, судовъ и школъ..

Кромѣ того мадьяры нашли возможность дѣйствовать еще прямѣе и непосредственнѣе на духовенство.

Русское духовенство обѣихъ уніатскихъ епархій Угріи, Пряшев-

№ 6 Угро-русскаго «Листка» за 1892 годъ. Эта выдержка можетъ быть также любопытна какъ образчикъ языка, употребляемаго угрорусами въ литературѣ. «Нетерпимость. Въ день трехъ Святителей, какъ въ праздникъ покровителей домовой церкви ужгородской греко-католической семинаріи, самообразовательный кругъ нашихъ семинаристовъ, съ дозволенія своихъ настоятелей, устроилъ музыко-декламаторскій вечеръ. На семъ вечерѣ, въ присутствіи многочисленной публики, между прочими и двухъ нашихъ епископовъ, семинаристы удачно съиграли нѣсколько музыкальныхъ пьесъ и сдекламировали нѣсколько стихотвореній. Между ними и одно единственное русское стихотвореніе: «Насъ семеро». (Всѣхъ пьесъ и декламацій вмѣстѣ было 12).—Нѣкто господинъ R. S. въ 8-мъ №-рѣ газеты «Ung» негодуетъ, что греко-католическіе семинаристы, большая часть которыхъ первый разъ русское прорекла слово, и которые—почти всѣ желаютъ сдѣлатися душпастырями угро-русскаго народа, осмѣлилися сдекламировати и одно (!) коротенькое русское стихотвореніе, и изъявляетъ желаніе, чтобы въ будущемъ русскихъ декламацій ни въ нашей семинаріи, ни въ нашемъ дѣвичьемъ пансіонѣ не было».

ской и Мукачевской, пользуется значительной долей независимости отъ свѣтскаго правительства, не подчинено ему непосредственно, назначается на мѣста епископомъ *, но и имъ не можетъ быть лишено прихода безъ каноническаго проступка, получаетъ опредѣленное закономъ жалованье или «конгрую», которой никто не можетъ отнять, пользуясь также доходами съ церковной земли и отъ прихожанъ. Духовенство управляетъ приходскими школами; для его дѣтей есть особыя семинаріи въ Пряшевѣ и Мукачевѣ; ему же принадлежитъ руководство преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ государственныхъ школахъ, гдѣ есть угро-русская молодежь.

Чтобы окончательно подавить духовенство, нужно было заручиться не только согласіемъ, но и содѣйствіемъ епископовъ. Епископъ, имѣющій свои—правда небольшія (12000—14000 флр.), но независимыя отъ правительства—средства, не подчиненный по дѣламъ церковнаго управленія свѣтскому суду, пользующійся уваженіемъ въ народѣ, держащій въ своихъ рукахъ все духовенство,—могъ доставить много затрудненій правительству и даже парализовать его мадьяризаторскую дѣятельность. Но обстоятельства сложились такъ, что мадьяры легко обратили епископа въ свое послушное орудіе.

Послѣдній выбранный клиромъ епископъ былъ Андрей Бачинскій († 1809 г.). Послѣ него всѣ епископы стали назначаться императоромъ и—со времени дуализма—по представленію угорскаго министра исповѣданій. Такимъ образомъ мадьяры всегда могли провести угоднаго имъ кандидата. Еслибы назначенный епископъ оказался впослѣдствіи невполнѣ податливымъ, у мадьяръ были всегда средства держать его въ рукахъ. Можно было привлекать его вниманіемъ двора, министровъ, аристократіи, награжденіемъ орденами и чинами; можно было дѣйствовать и деньгами, а наконецъ—страхомъ.

Всѣми этими средствами мадьяры съумѣли воспользоваться особенно въ Мукачевской епархіи. Оба предыдущіе ея епископа, Стефанъ Панковичъ (1866—1874) и Іоаннъ Пастельи (съ 1874—1891 г.), хотя русскіе родомъ, были вѣрными пособниками мадьяръ. Впрочемъ, Панковичъ не былъ такъ опасенъ для угро-руссовъ, какъ говорили. Сынъ священника, онъ попалъ въ воспитатели одной знатной мадьярской фамиліи, долго вращался въ высшемъ кругу и, благодаря протекціи магнатовъ, прямо изъ свѣтскаго званія былъ возведенъ въ епископы. Обладая представительной наружностью, изящными манерами, онъ научился бѣгло говорить по-французски, заучилъ и нѣ-

* Впрочемъ, во многихъ приходахъ помѣщики имѣютъ право выбирать кандидатовъ, какъ патроны мѣстныхъ церквей.

сколько англійскихъ фразъ, но былъ въ сущности человѣкомъ необразованнымъ и легкомысленнымъ. На епископскомъ престолѣ онъ оставался свѣтскимъ кавалеромъ. Общество аристократіи, особенно дамъ, охота, пиры—вотъ что преимущественно его занимало. Поэтому онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, и чтобы получить ихъ отъ правительства постоянно твердилъ мадьярамъ, что духовенство его епархіи—москали, измѣнники отечества, что онъ надѣется однако вывести этотъ опасный духъ, если ему будутъ даны достаточныя матеріальныя средства. И мадьяры не щадили на это денегъ, такъ что Панковичъ получалъ особыхъ субсидій до 15,000 фл. въ годъ. Онъ и старался исполнить то, что обѣщалъ. Его брань, открытое преслѣдованіе всего русскаго—во имя мадьяризма—сначала ошеломило русскихъ людей; но скоро они поняли его пустоту (прямое нападеніе даже подняло ихъ энергію) и одушевились къ мужественному отпору. Къ тому же Панковичъ не имѣлъ опредѣленнаго плана дѣйствій: самъ заранѣе пробалтывался о своихъ намѣреніяхъ, можетъ быть даже радовался противодѣйствію лучшей части духовенства. оно давало ему основаніе требовать у мадьяръ еще и еще денегъ.

Хотя его дѣятельность и не принесла такимъ образомъ особенно серьезнаго вреда, она все-таки не осталась и безъ дурныхъ послѣдствій, внесши разладъ въ духовенство, запугавъ болѣе робкихъ и выдвинувъ на первый планъ людей, готовыхъ за почетъ, деньги или изъ страха измѣнить народному дѣлу.

Преемникъ Панковича Іоаннъ Пастели, не отличаясь также ни умомъ, ни образованіемъ, обладалъ бо́льшею практическою сноровкою. Не выступая явно противъ русскихъ интересовъ, онъ готовъ былъ сдѣлать для мадьяръ все, лишь бы они ему платили. Угодливость его дошла до того, что при опредѣленіи на мѣста—отъ канониковъ до простого капеллана—онъ требовалъ отъ кандидатовъ рекомендаціи со стороны мадьярскихъ чиновниковъ! Кромѣ того онъ практиковалъ въ широкой степени непотизмъ и протекцію, измѣняя ради этого своимъ собственнымъ обѣщаніямъ, а наконецъ былъ крайне скупъ на благотворительныя цѣли. Благодаря всему этому Іоаннъ Пастели не пользовался доброй славой въ своей епархіи.

Каковъ будетъ новый мукачевскій епископъ, Юлій Фирцакъ, пока конечно ничего нельзя сказать.

Гораздо благопріятнѣе была поставлена въ этомъ отношеніи епархія пряшевская, гдѣ не только еп. Гаганецъ, но даже еп. Товтъ и нынѣшній Н. Вальи вовсе не дѣйствовали во вредъ своей церкви и паствѣ, какъ это дѣлалъ Панковичъ, отчасти и Пастельи. Но съ другой стороны и пряшевскіе епископы не могли въ послѣднія

20—25 л. открыто выступать въ оборонѣ русскаго дѣла, изъ опасенія потерять мѣсто.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время угрорусскіе епископы и окружающіе ихъ каноники говорятъ почти исключительно по-мадьярски, и это даетъ тонъ всему духовенству. Въ епископской канцеляріи, въ консисторіи, въ епархіальныхъ указахъ употребляется почти исключительно языкъ мадьярскій. Донесенія священниковъ, ихъ отчеты, переписка—все идетъ по-мадьярски. Мадьярскій языкъ сталъ оффиціальнымъ во всѣхъ отрасляхъ церковнаго управленія. Общества св. Василія въ Унгварѣ и Іон. Предтечи въ Пряшевѣ если и не закрыты оффиціально, то находятся въ полной агоніи. Русскія газеты Свѣтъ, Новый Свѣтъ, Сова—одна за другой были прекращены. Карпатъ выходилъ уже въ полумадьярскомъ духѣ и тоже кончилъ свое существованіе. Даже сдержанный, чуждый всякой политики «Листокъ» подвергается многимъ преслѣдованіямъ и выписывается лишь немногими священниками.

Въ правительственныхъ и епархіальныхъ школахъ, гдѣ обучаются дѣти священниковъ, русскій языкъ если и не вытѣсненъ окончательно, то поставленъ въ такія условія, что изучается лишь немногими и въ слабой мѣрѣ, мадьярскій же усваивается ими съ дѣтства, ибо и въ русскихъ священническихъ семьяхъ наполовину уже говорятъ по-мадьярски.

Русскихъ гимназій въ Угріи никогда не было. Но въ прежнее время въ нашихъ правительственныхъ гимназіяхъ все-таки кое-что преподавалось по-русски, именно, русскій и церковнославянскій языки и законъ Божій. Съ 1879 года русскій языкъ сдѣлался необязательнымъ, всѣ же остальные предметы преподаются по-мадьярски, и кромѣ закона Божія, который въ 4 низшихъ классахъ гимназіи долженъ преподаваться по-мадьярски, въ 4 же высшихъ можетъ быть обучаемъ и по-русски. Эти уступки въ пользу русскаго языка—при теперешнемъ положеніи угроруссовъ—похожи скорѣе на насмѣшки!

Изъ гимназій сыновья священниковъ, если хотятъ итти по свѣтской карьерѣ, поступаютъ или прямо на службу, или въ мадьярскіе университеты. Въ обоихъ случаяхъ они почти всегда теряются для русской народности. Нѣсколько лучше въ народномъ смыслѣ положеніе тѣхъ, кто поступаетъ въ духовныя семинаріи, ужгородскую и пряшевскую. Въ нихъ кое-что преподается по-русски, а именно: пастырское и нравственное богословіе, церковный уставъ и церковнославянскій языкъ; остальные предметы читаются по-мадьярски или по-латыни. Если принять во вниманіе слабую подготовку семина-

ристовъ въ русскомъ и церковнославянскомъ языкѣ, общій мадьярскій духъ, господствующій въ обществѣ, а слѣдовательно и въ семинаріи, то легко понять, почему и эти заведенія мало способствуютъ развитію въ молодежи національнаго сознанія. Теперешніе наши семинаристы, кончая курсъ, почти не знаютъ вовсе литературнаго языка, плохо понимаютъ и языкъ церковныхъ книгъ. Даже въ народномъ діалектѣ многіе не особенно сильны, такъ что принуждены коверкать его въ своихъ проповѣдяхъ, особенно въ первые годы священства. Богословское ихъ образованіе очень неполно и одностороннее; оно почерпается главнымъ образомъ изъ католическихъ источниковъ, такъ что встрѣчаются между семинаристами и завзятые ультрамонтане. Но всего чаще они совершенно равнодушны къ богословскимъ вопросамъ.

Каждый годъ уменьшается пріемъ студентовъ въ семинарію, такъ какъ свободныхъ приходовъ нѣтъ. И то ужъ не одинъ десятокъ молодыхъ священниковъ не имѣетъ мѣстъ; они живутъ въ домахъ своихъ отцовъ и тестей или состоятъ на частной службѣ.

Дочери священниковъ учатся или въ общественныхъ, иногда и монастырскихъ школахъ, или въ ужгородскомъ институтѣ, основанномъ въ 1875 г. для священническихъ сиротъ. Но и въ институтѣ этомъ всѣ предметы, не исключая и закона Божія, преподаются по-мадьярски! Русскій языкъ по уставу тутъ не обязателенъ.

Вотъ почему у насъ дочери священниковъ еще менѣе своихъ братьевъ знакомы съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ и только по-мадьярски свободно говорятъ и читаютъ. Если же знаютъ и народное нарѣчіе, то стыдятся говорить на немъ въ обществѣ.

При такихъ обстоятельствахъ быстро подвигается національное паденіе угрорусскаго общества. Мадьярскій языкъ сталъ не только оффиціальнымъ органомъ во всѣхъ отрасляхъ церковнаго и гражданскаго управленія. но вмѣстѣ съ тѣмъ и языкомъ общества, гостиной, дружеской переписки, семьи. Даже дѣти во многихъ русскихъ семьяхъ учатся лепетать всего ранѣе по-мадьярски. Почти всѣ читаютъ только мадьярскія книги и газеты. Изъ русскихъ вышло не мало мадьярскихъ публицистовъ, даже поэтовъ. Въ комъ же не заглохло народное чувство, у тѣхъ замѣчается—за малыми исключеніями—полная апатія. Старшее поколѣніе, помнящее время русскаго возрожданія въ Угріи, сознаетъ еще свою народность и любитъ ее; но оно не имѣетъ рѣшимости высказываться, а тѣмъ менѣе—дѣйствовать. Въ обществѣ, на улицѣ боятся заговорить по-русски, боятся каждаго письма, книги, газеты изъ Россіи или изъ Галичины, боятся выписывать свой угрорусскій «Листокъ», боятся покупать

даже русско-мадьярскій словарь Митрака,—ибо правительство считаетъ его языкъ не русскимъ, а «московскимъ».

Въ младшемъ поколѣніи еще сильнѣе мадьярскій духъ, еще менѣе чувствуется потребности въ русскомъ языкѣ, въ развитіи своей литературы, въ поддержаніи своей національности. О знаніи общерусскаго языка уже и говорить нечего. Но и церковнославянскій языкъ, необходимый при богослуженіи, мало кому знакомъ въ должной мѣрѣ. Угрорусскій же литературный діалектъ представляетъ въ устахъ нашей интеллигенціи жалкую смѣсь русскихъ говоровъ съ польскими, словенскими, особенно же съ мадьярщиною. Если и далѣе дѣла пойдутъ въ томъ же направленіи, то нашей народной интеллигенціи угрожаетъ полная мадьяризація. Людей твердыхъ и сознательныхъ можно сосчитать по пальцамъ.

Дѣятельность ихъ совершенно парализована правительственнымъ и общественнымъ терроризмомъ, который находитъ себѣ пищу и въ крайней уступчивости большинства нашихъ вліятельныхъ лицъ, даже болѣе того—въ ихъ безхарактерности и прямо трусости. Она доходитъ до того, что они боятся своего русскаго имени, своей русской книги, своей церкви, своего народнаго языка; они идутъ въ своей угодливости мадьярамъ гораздо дальше, чѣмъ любая другая угорская народность, не исключая ни словаковъ, ни сербохорватовъ, ни нѣмцевъ и румыновъ.

Въ свое оправданіе они ссылаются обыкновенно на свою бѣдность и матеріальную зависимость отъ мадьяръ; но въ дѣйствительности здѣшнее духовенство, особенно въ дольнихъ краяхъ, поставлено недурно въ матеріальномъ отношеніи. Многіе же изъ священниковъ живутъ даже богато, особенно въ сравненіи съ обстановкою своихъ прихожанъ.

И здѣшніе монастыри хотя не велики, но достаточно обезпечены для небольшого числа угрорусскихъ монаховъ. А между тѣмъ лишь въ Марія-Повчи есть монастырская народная школа и нѣчто въ родѣ частной духовной семинаріи; остальные монахи почти ничего не дѣлаютъ для народа и для литературы.

Будучи вполнѣ независимы отъ мадьяръ, и наши монахи настолько поддаются ихъ вліянію, что уже теперь большею частію говорятъ между собою по-мадьярски! Исключенія есть, но они лишь подтверждаютъ правило.

Такимъ образомъ безпристрастному наблюдателю нынѣшнее положеніе угорской Руси не можетъ не представляться крайне труднымъ и опаснымъ для ея церкви и народности. Можно смѣло утверждать, что въ послѣднее тысячелѣтіе она никогда еще не переживала болѣе тяжелыхъ дней. Въ національномъ отношеніи она истекаетъ

кровью и не можетъ уже подняться на ноги безъ посторонней помощи. Наступитъ ли наконецъ день ея избавленія? Мы вѣримъ и надѣемся. Одна эта вѣра и поддерживаетъ еще насъ въ неравной борьбѣ за жизнь.

Кошицы. Май, 1892. Ж. З. И.

Изъ Кракова

Посѣщеніе чехами юбилейныхъ празднествъ польскаго «сокола» во Львовѣ и воззрѣніе «Часа» по поводу ихъ.

Политическій горизонтъ чистъ и ясенъ: свиданіе императоровъ въ Килѣ произошло, празднества въ Нанси прошли благополучно. Что затѣмъ будетъ тревожить спокойствіе дипломатовъ — увидимъ впослѣдствіи. Оставимъ впрочемъ большую политику, поговоримъ о маленькомъ обстоятельствѣ, не лишенномъ повидимому нѣкоторыхъ признаковъ будущаго значенія. Имѣю въ виду посѣщеніе чехами праздника 25-лѣтія польскаго «сокола» во Львовѣ. Празднованіе это происходило 24 — 25 мая; на немъ присутствовали представители всѣхъ сокольскихъ дружинъ Галиціи и отчасти прусской Польши; изъ Варшавы получены были письма. Съѣздъ такимъ образомъ обѣщалъ пройти вполнѣ благополучно. И онъ оставилъ въ участникахъ пріятное воспоминаніе возбужденнаго утомленія, а въ польскихъ читателяхъ отчетовъ не менѣе пріятное сознаніе исполненнаго патріотическаго долга. Вѣдь «соколы» — это одно изъ средствъ народнаго возрожденія. Ихъ важное общественное значеніе доказали нѣмецкіе Thurnverein'ы, а въ послѣднее время особенно чешское сокольство, воспитанное и направленное такими дѣятелями, какъ Г. Фигнеръ и М. Тыршъ. Дружины чешскихъ соколовъ послужили весьма важнымъ орудіемъ крѣпкаго сплоченія чешскаго общества, пробужденія и выработки въ немъ энергіи, самодѣятельности и живого національнаго чувства. По слѣдамъ чеховъ пошли поляки, и вотъ теперь они праздновали 25-лѣтіе своей новой общественной организаціи. Кто знаетъ характеръ польскихъ общественныхъ празднествъ — а всѣ они на одинъ ладъ—тому нечего разъяснять, что поляки ждали отъ своей Олимпіады во 1-хъ большого удовольствія, во 2-хъ конечно живительнаго бальзама для своихъ «ранъ». По первымъ газетнымъ отчетамъ казалось, что ожиданія эти дѣйствительно оправдались. Торжественныя рѣчи, стихи — то и другое съ цѣлой гаммой ораторскихъ интонацій по поводу общественнаго благоденствія и процвѣтанія въ «польскомъ Пьемонтѣ» а также по поводу «ужасовъ въ странѣ угнетенія», шумъ и оживленіе громаднаго собранія людей цвѣтущаго

